

**Лера БОЖЕНОВА, ученица 11-го класса
гимназии № 1552, г. Москва**

Я начала всерьез увлекаться поэзией в 13 лет. До этого я не особенно ею интересовалась и не пыталась писать. Сейчас же для меня стихи — способ самовыражения, то, что может ответить на все вопросы. Бывает, что я продумываю тему и сажусь за написание стиха, не имея изначального представления о том, каким он будет. Но иногда я пишу первую строчку, не имея ни малейшего понятия, о чем будет вторая и последующие, будто пишу под диктовку. В стихотворениях я никогда не ставлю точку, потому что считаю, что истории, в них изложенные, продолжают жить своей жизнью, независимо от меня, а я лишь описала их крошечный фрагмент.

Очень люблю Ахматову.

И уже давно не представляю своей жизни без рифмоплетства.

* * *

Заметет меня листвою,
Так и зазимую.
Раскопаешь — будет твой
Дар, что наколдую.
Не отыщешь — не пинай
На судьбу-злодейку.
Не получишь, так и знай,
Медную копейку.

* * *

От чашки пар спиралью вьется,
И запах кофе в ноздри бьет.
Внутри цепочка оборвется
И болью в сердце отдаст.
Глаза уже от света режет,
Под веками горит огонь.
И в голове стучит, как прежде,
Звезда от прорванных погон.
Скрип двери, кашель. «Что? Уже?»
«Нет, вовсе нет, он просто спит».
Смеется смерть. Мадам, туше.
И кофе на губах горчит.

* * *

Все уходит, и бьется хрусталь,
Превращаясь в осколки-фиалки.
И в ладони горят, мне так жаль
Относить их ночью на свалку.
И сияют, как звездное небо,
Под ногами паркетные доски.
От осколков, сжатых так крепко,
Проступают порезов полоски.
Как же хочется склеить в порыве
И вернуть целехонькой сразу.
Интересно: а жизни людские
Разбиваются просто, как вазы?

* * *

Гладь небес тяжела,
И гремит вдалеке.
Все так ждали грозу,
Словно благо и рок.
Только чья-то рука
Все лежит на плече.
Я неслышно скажу,
Что неправ был пророк.
И гроза не придет,
И мы все будем жить,
Как мы жили всегда,
Ничего не боясь.
Только утром уснет
Моя жалкая прыть.
И пророка беда —
Уходить, не смеясь

* * *

Я подарю тебе одной букет
Из полевых свободнейших цветов,
Из белых и воздушных облаков,
Из красок, что сияли в наш рассвет,
Из смеха детского, из ветра на обрыве,
Из слив садовых и ветвей березы,
Из темноты, скрывающей курьезы,
Из всех моментов, что когда-то были,
И больше не вернуться никогда.

* * *

От крыш отражается ярко закат,
И тонкая снежная пленка блестит.
Я помню: всего лишь три дня и назад
Уеду, а время так быстро летит...
Летит, и на раны несчастной души
Мне стены родные плетут наговор.
Горит огонек неоплывшей свечи,
А я все смотрю на дырявый забор...

* * *

В этом есть какая-то ирония.
Вроде бы мы это уже поняли.
Но все, как было, идет по-прежнему,
Мы так сильно боимся быть нежными,
Так сильно боимся быть нежными.
Мы курим много и говорим хрипло.
И наши осанки давно поникли.
Вся эта жизнь — слепой поиск главного,
Мы так боимся быть храбрыми,
Так боимся быть храбрыми.
Глядим в глаза, виновато, несмело.
Молчим о том, что нас вправду задело.
Скрываем за пассажами лестными,
Мы так боимся быть честными,
Так боимся быть честными.
Руки сами отпускают друг друга.
Все, кто дорог, выпадают из круга.
Ответственный — он вздыхает натужно,
Мы так боимся быть нужными,
Так боимся быть нужными.
Мы живем — и вовсе не замечаем.
А страхи о том же: что там, за краем.
Мы просим Их стать к нам милосердными,
Мы так боимся быть смертными,
Так боимся быть смертными.

* * *

Сердце наполняется покоем,
За чертой оставив круговерть
Бренных дней, которые не стоят,
Чтоб о них задумываться впредь.
Кажется уже: ничто иное
Не пробудит чувства ото сна.
И роман скучает по герою
Так, как по нему скучаю я.

* * *

Как же дорог стал мне этот
Белый кружевной платок.
Запах старого секрета
Он с собой везде несет.
Помню: пели мандолины,
За окном цвела сирень,
Благороднейшие вина
Освежали нашу тень.
Ты сказал, что в этот вечер
Ожидается гроза,
И легонько мне на плечи
Шаль накинул, егоза.
Я смеялась, звонко пели
Птицы в тающем саду.
Ставни старые скрипели
В девятьсот восьмом году.

* * *

Моя земля вздохнуть не может
От крови и людского горя.
Никто венков ей не возложит,
Никто не назовет героем.
Она, как все, сражалась рьяно
С фашистской силой — всей душой.
Ее топтали сапогами,
Бомбили раннею весной,
Вгрызаясь в недра и сжигая
Ее природную красу
И за собою оставляя
Изрытых шрамов полосу.
И льется, льется кровь на нивы
Безвинных, ей родных детей.
Гремят фашистские призывы
Вокруг: «Убей-убей-убей».
Горят леса, пылает поле,
Воронки взрывов здесь и там.
Она терпеть не может боле
И даст отпор своим врагам.
Зимой их одолеет стужа
И заметет чумную рать,
И в воздухе моторы будут
Их мессершмиттов замерзать.
Собьет врагов с пути метелью,
Следы их ветром заметет,
В отместку за бои у Ельни
В ловушку немцев заведет.
И партизанов станет тоже
В своих лесах она скрывать.
Моя земля вздохнуть не может,
Но будет битву продолжать.

* * *

Ветер в поле — ищи-свищи.
Тяжелеет небо свинцовое.
Мне хотелось другое, новое,
Только старое не взыщи.
Голова — самовар на ярмарке.
Ставни хрипло зовут проветриться.
А внутри все чудит и вертится,
И все больше слез льется на руки.

* * *

Вышитое солнце на моей подушке
Выцвело немного: столько лет прошло.
На кровати зайка чешет свои ушки,
Смотрит удивленно, но совсем не зло.
Нет, он не поможет стать внезапно младше,
Стать наивней, проще, чуточку глупей.
И куда же делось счастье, детство наше,
И куда запрятали добрых тех детей.